

УДК 316(485.6+423.6)

НЭНСИ ФРЕЙЗЕР,
ПРОФЕССОР ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
(НЬЮ-ЙОРК)

МОЖЕТ ЛИ ОБЩЕСТВО ПОЛНОСТЬЮ БЫТЬ ПРЕДМЕТОМ ПОТРЕБЛЕНИЯ? (на основе размышлений К. Поланьи о капиталистическом кризисе)

Разрабатывается теоретическая основа для комплексного изучения причин и путей преодоления современного кризиса. Сегодняшний кризис представляет собой многомерное явление, включающее три стороны: экологическую, финансовую и социального воспроизводства. Используя идеи К. Поланьи о фиктивной коммодификации и двойном движении (конфликт между сторонниками теорий о финансовом и экологическом истоках кризиса), автор предлагает современную комплексную теорию тройного движения, которая позволяет учитывать кризис социального воспроизводства и проблемы эмансипации в современном обществе.

Ключевые слова: кризис, коммерциализация, фиктивная коммодификация, эмансипация, социальное воспроизводство, господство.

The author develops a theoretical background for a complex study of the current crisis causes and ways to overcome it. Today's crisis is a multidimensional phenomenon that includes three aspects: ecological and financial ones and that of social reproduction. Using the ideas of K. Polanyi about fictitious commodification and double movement (a conflict between supporters of the theories about the financial and ecological origins of the crisis), the author suggests a modern comprehensive theory of triple movement that takes the crisis of social reproduction and problems of emancipation in a modern society into account

Key words: crisis, commercialization, fictitious commodification, emancipation, social reproduction, domination.

Нэнси Фрейзер – профессор политических и социальных наук, заведующая кафедрой в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке. Ее работа связана с социальной и политической теорией, феминистской теорией и современной французской и немецкой мыслью. Как ведущий специалист по критической теории и выдающийся феминистский мыслитель, профессор Фрейзер известна своими работами по социальной справедливости. Ее ранние книги «Практика непослушания: власть, дискурс и гендер в современной социальной теории» (1989) и «Справедливость прерванная: критические размышления об условиях «постсоциализма» (1997) являются современной классикой. Ее последний труд включает в себя книгу «Весы правосудия: переосмысление политического пространства в глобализирующемся мире» (2008) и статью «Феминизм, капитализм и коварство истории» (New Left Review, 2009). В настоящее время она работает над книгой о трех великих мыслителях, занимавшихся проблемой кризиса: К. Марксе, К. Поланьи и Ю. Хабермаса. Ниже представлена лекция, прочитанная в Университете Хельсинки 29 мая 2013 г., которая является частью этой книги и нигде до этого не публиковалась.

1. Кризис в трех измерениях

В настоящее время мы переживаем кризис большой тяжести и большой сложности. Тем не менее нам не хватает концептуальной основы для его интерпретации, не говоря уже о его разрешении. Очевидно, сегодняшний кризис многомерен, он

касается не только экономики и финансов, но экологии, общества и политики. Из этих основных измерений я хочу выделить три особенно важных. Во-первых, имеет место экологическая сторона кризиса, выражающаяся в истощении невозобновляемых ресурсов земли и продолжающемся разрушении биосферы, о чем свидетельствует, прежде всего, глобальное потепление. Во-вторых, существует финансовая сторона кризиса, выражающаяся в создании, казалось бы, из воздуха, теневой экономики бумажных ценностей, иллюзорной, которая может разрушить «реальную» экономику и поставить под угрозу существование миллиардов людей. Наконец, есть сторона, касающаяся социального воспроизводства, выражающегося в росте напряжения в рамках неолиберализма, того, что некоторые называют «заботой» или «аффективным трудом», и того, что я интерпретирую более широко, как имеющиеся у человека возможности для создания и поддержания социальных связей, которые включают в себя работу по социализации молодежи, созданию общностей, воспроизводству общих значений, диспозиций и ценностных горизонтов, поддерживающих социальную кооперацию. Взятые по отдельности, стороны кризиса страшны сами по себе. Если сложить их вместе, получается созвездие, которое реально угрожающе. Сочетание этих трех сторон – экологической, финансовой и социальной – и определяет отличительные особенности и особую тяжесть современного кризиса.

В этой ситуации только один выход является самоочевидным. Критическая теория в настоящее время позволяет охватить все три измерения кризиса. Надо отметить, что она должна раскрыть специфику каждого. Также следует уточнить, каким образом экологическая, финансовая стороны кризиса и сторона социального воспроизводства взаимосвязаны. Наконец, следует определить вероятность того, что все три аспекта исходят из общего источника, коренящегося в глубинной структуре нашего общества, и имеют общие элементы.

Однако сегодня нам не хватает такой критической теории. Наше понимание кризиса сосредоточено, как правило, на одном аспекте, экономическом или экологическом, нивелирующим или подчеркивающим отдельные стороны. По большей части теоретики в вопросах экологии отделяют природу кризиса от финансовых аспектов, в то время как большинство критиков от политической экономии отказываются связывать природу кризиса с экологией. И ни один из лагерей не принимает во внимание кризис общественного воспроизводства, который является объектом гендерных исследований и феминистской теории и поэтому остается в гетто.

Сегодня, однако, такой «критический сепаратизм» является контрпродуктивным. В нынешних условиях, когда кризис явно характеризуется тремя измерениями, мы нуждаемся в более широком комплексном подходе, который соединит экологические, экономические и социальные аспекты. Отказавшись от экономизма, с одной стороны, и от того, что я называю «экологизмом» – с другой, следует возродить проект крупномасштабных социальных теорий, которые позволят охватить все три измерения кризиса и выявить соотношение между ними. Выявив природу и истоки кризиса, такая перспектива позволит определить и направления для его разрешения.

Идеи Карла Поланьи могут стать отправной точкой для такого теоретизирования. Его классический труд «Великая трансформация» (1944) детально разрабатывает критерии измерения раннего кризиса, включающие экологию, политическую экономию и социальное воспроизводство. Книга представляет кризис как многогранный исторический процесс, начавшийся с ростом экономического либерализма XIX в. в Британии и продолжающийся в течение полутора веков, охвативший весь мир и принесший с собой усиление имперского подчинения, периодические экономические депрессии и катастрофические войны. Более того, для Поланьи этот кризис в меньшей степени касался экономических аспектов в узком смысле и в большей – разрушения общности, уничтожения средств к существованию и разорения природы. Его корни находятся не столько во внутренних экономических противоречиях, сколько в знаменательном сдвиге экономики по отношению к обществу. Перевернуто прежнее универсальное соотношение, при котором рынки были встроены в систему социальных институтов и являлись объектом морального и этического воздействия и политического регулирования. Сторонники «саморегулирующегося рынка» стремились построить мир, в котором общество, мораль, этика и политика подчинены, и даже уподоблены, рынку. Определяя труд, землю и деньги как «факторы производства», они рассматривают эти фундаментальные основы общественной жизни как обычные товары и подвергают их операциям на валютном рынке. Последствия этой «фиктивной коммерциализации», как назвал ее Поланьи, были настолько разрушительны для среды обитания, средств к существованию и общности, что привели к разжиганию движений «в защиту общества». Резуль-

татом является особый социальный конфликт, который он назвал «двойное движение»: спираль конфликта между участниками свободного рынка с одной стороны и спираль социального протекционизма – с другой, что привело к политическому тупику и, в конечном счете, фашизму и второй мировой войне¹.

Здесь, таким образом, представлены измерения кризиса, которые позволяют избежать по крайней мере двух форм критического сепаратизма. Отказавшись от экономизма и экологизма, «Великая трансформация» связывает финансовый упадок и экономический коллапс с показателями разорения окружающей среды и социальной дезинтеграции, в основе которых труднорегулируемые политические конфликты, влекущие за собой углубление кризиса. Отказавшись ограничивать себя экономическими и экологическими аспектами, Поланьи разработал концепцию кризиса, которая включает в себя оба измерения, а также аспект общественного воспроизводства. Более того, включив последний аспект, рамки данной концепции, по крайней мере принципиально, позволяют охватить множество феминистских проблем и действительно связать их с проблемами политических экологов и политических экономистов.

Данная позиция рассматривается Поланьи как наиболее эффективное средство для тех, кто стремится к пониманию кризиса XXI в. Есть и более веские причины для обращения к его идеям. События, описанные в «Великой трансформации», имеют много общего с сегодняшними. Существуют весьма серьезные доказательства, подтверждающие, что нынешний кризис является следствием недавних усилий по освобождению рынков от бремени государственного управления (как национальных, так и международных), созданных в период после второй мировой войны. То, что мы сегодня называем «неолиберализмом», есть ни что иное, как второе пришествие известного в XIX в. «саморегулирующегося рынка», приведшего к кризису, хроника которого описывается Поланьи. Сейчас, как и тогда, предпринимаются попытки распространения убеждений о товарной природе окружающей среды, труда и денег: наблюдается распространение рыночных отношений в сферах выброса углекислого газа и биотехнологий, ухода за детьми, обучения, ухода за пожилыми, а также в области финансовых инструментов. Сейчас, как и тогда, очевиден эффект разграбления природы, разрыва общности и уничтожения средств к существованию. Более того, сегодня, как и во времена Поланьи, мобилизуются движения противодействия для защиты общества и окружающей среды от разрушительного воздействия рынка. Сейчас, как и тогда, борьба за окружающую среду, социальное воспроизводство и мировые финансы является центральным узлом и очагом кризиса. Таким образом, сегодняшний кризис можно рассматривать как второй виток великой трансформации, современную великую трансформацию.

Идеи Поланьи по многим причинам открывают широкие перспективы для теоретической интерпретации сегодняшней ситуации. Тем не менее не стоит торопиться и подходить к ним некритически. Даже сейчас, преодолев экономизм и экологизм, «Великая трансформация» при ближайшем рассмотрении может оказаться глубоко ошибочной. Фокусируясь исключительно на деструктивных последствиях «саморегулирующихся рынков», книга упускает из виду опасность внешнего происхождения, исходящую из окружающего «общества». Озабочившись исключительно разрушительными последствиями воздействия коммерциализации *на* общности, она не учитывает наличие неравенства в самих общностях, таких его форм, как рабство, феодализм и патриархат, которые зависят от социальной организации труда, использования земельных и денежных ресурсов, при этом некоммерциализированных. Демонизируя маркетизацию, книга идеализирует социальный протекционизм, не замечая, что протекционизм служил закреплению иерархии и исключения. Противопоставляя «плохую экономику» «хорошему обществу», «Великая трансформация» заигрывает с коммунизмом и недостаточно восприимчива к господству².

Что сейчас необходимо, так это пересмотр рамок, предложенных Поланьи. Целью должно быть построение новой, постполаньевской перспективы, которая позволит не только преодолеть экономизм и экологизм, но и избежать романтизации и материализации «общества» и, как следствие, обеления недостатков господства. Собственно это и является целью данной статьи. В поисках критического подхода, который осмысливает «общество», как и «экономику», я предлагаю рассмотреть одно из ключевых понятий концепции Поланьи, а именно фиктивный товар. Я утверждаю, что пока эта идея дает перспективную основу для комплексного структурного анализа нынешнего кризиса, она должна быть воссоздана в форме, восприимчивой и критичной к господству.

2. Фиктивная коммодификация в «Великой трансформации»

Позвольте мне начать с описания идей Поланьи, касающихся фиктивной коммодификации. Как уже было отмечено, он утверждает, что промышленный капитализм XIX в. выявил беспрецедентное в истории соотношение между «экономикой» и «обществом». Ранее рынки были «простыми аксессуарами» экономической жизни и такого понятия, как «самостоятельная экономика», попросту не существовало. Производство и распределение были организованы посредством того, что мы называем внеэкономическими институтами (например, родство, сообщества и государство), и подчинялись внеэкономическим нормам (например, религиозным, общественным и правовым), которые регулировали, что, кем и на каких условиях может быть куплено или продано. Идея «саморегулирующегося рынка», ограниченного только спросом и предложением, казалась практически невыполнимой (TGT 46-58).

Все это, однако, изменилось с распространением новой идеи «рыночной экономики». Решительно отвергая все предыдущие интерпретации, сторонники этой идеи предлагают отдельную экономическую систему, которая институционально отличается от остальной части общества и полностью направляется и контролируется рыночными механизмами. В этой системе производство организуется для продажи с учетом ценообразования на рынке, который управляется имманентно через баланс спроса и предложения. Не только предметы роскоши, но только повседневные товары, но все результаты производства, включая человеческий труд, сырье и кредитные деньги, продаются на таком «саморегулирующемся рынке». Таким образом, необходимые условия для товарного производства сами по себе становятся товаром. Но это предполагает распространение логики рыночных отношений практически на каждый аспект общественной жизни. То, что изначально задумывалось как самостоятельная экономика, неизбежно распространяется на окружающее общество, представляя последующее в образе предыдущего. «Рыночная экономика» может существовать только в «рыночном обществе» (TGT 71-74).

Для Поланьи эта идея «рыночной экономики вкупе с рыночным обществом», по сути, является несбыточной. Чтобы утверждать, что труд, земля и деньги выступают предметами купли-продажи, необходимо признать, что общество может быть полностью товарным. Однако это предположение Поланьи называет «абсолютно фиктивным», а попытки реализовать его – имеющими негативные последствия. На самом деле труд, земля и деньги имеют особый основополагающий статус. Создавая саму ткань социальной жизни, они также обеспечивают необходимые условия для товарного производства. Рассматривать их в качестве обычных предметов рыночного обмена означает подвергать опасности саму «суть» общества и необходимые предпосылки капиталистической экономики (TGT 75-79, 133-137). Результатом может быть только кризис общества, с одной стороны, и экономики, с другой. По мнению Поланьи, общество не может быть полностью товарным.

Он пишет: «Разрешение рыночным механизмам быть единственным регулятором человеческой жизни и окружающей среды, даже при условии использования покупательской способности, приведет к разрушению общества. Такой мнимый товар, как «рабочая сила», нельзя продать, использовать без разбора или даже оставить не используемым, не затронув человеческого индивида, который является носителем этого особенного товара. Распоряжаясь человеческой рабочей силой, такая система будет распоряжаться и физической, психологической и моральной сущностью «человека», навешивая ярлыки. Разрушив защитное поле социальных институтов, человечество погибнет от последствий социального воздействия [и] социальных неурядиц... Природа будет ослаблена, окрестности и ландшафты осквернены, реки загрязнены, подвергнется угрозе военная безопасность, производство продуктов питания и ресурсы будут уничтожены. Наконец, рыночное управление покупательской способностью начнет периодически ликвидировать коммерческие предприятия, а дефицит или переизбыток денег будет иметь для бизнеса такие же последствия, как наводнения и засухи для первобытного общества. Несомненно, труд, земля и деньги имеют важное значение для рыночной экономики. Но ни одно общество не смогло выдержать такой системы фикций, даже в коротком промежутке времени, когда его человеческие и природные ресурсы, а также его коммерческая организация не были защищены от разрушительного воздействия этой сатанинской мельницы» (TGT 76-77).

Далее мы рассмотрим, что эту мысль можно интерпретировать с разных сторон. Тем не менее его ключевая идея не подвергается сомнению: усилия по созданию «рыночного общества», полностью состоящего из товаров, неизбежно вызвали кризис. Дестабилизация природы, финансов и социального воспроизводства – все эти процессы в совокупности подорвали как составные элементы социальной жизни, так и основы товарного производства и обмена. Они также спровоцировали сопротивление.

«Великая трансформация» описывает процесс, в ходе которого в XIX в. коммерческие интересы привели к включению в товарный оборот труда, земли и денег. По оценкам Поланьи, этот процесс запустил долготекущий кризис во всех трех измерениях. Во-первых, попытки создания «саморегулирующихся рынков», «рабочей силы» привели к деморализации «человеческого индивида, который является носителем этого особенного товара» (TGT 76). Дробление общностей, раскол семьи и разрыв социальных связей разрушили процесс социального воспроизводства, на котором базируются рынки (TGT 136). Во-вторых, выделение земельных участков, свободная торговля зерновыми и импорт дешевых продуктов питания перевернули сельское хозяйство и подорвали жизненные силы сельских общин, также как и промышленность разграбила мировые ресурсы в погоне за «сырьем», загрязняя при этом воздух и воду. Таким образом, новый экономический порядок действительно «ослабил природу» и «осквернил окрестности и ландшафты», подвергнув опасности как экологические условия производства, так и условия жизни человека. Наконец, оголтелая спекуляция валютными и кредитными средствами дестабилизировала денежные запасы, в результате чего колебания денежной стоимости уничтожили сбережения, стали препятствием инвестициям и лишили как производителей, так и потребителей возможности строить планы на будущее. Следовательно, коммерциализация денег подорвала временные условия для социальной и онтологической безопасности, так же как и финансовые условия для накопления капитала (TGT 136-38, 201–209). Для Поланьи результатом фиктивной коммодификации и является кризис. В то же время социальная, экологическая и экономическая коммерциализация вызвали кризис природы и общества, а также капитала.

3. Коммодификация, доминирование и эмансипация

Идеи Поланьи о фиктивной коммодификации явились удивительно пророческими. Какими бы ни были его заслуги в период творчества, его определение природы, труда и денег в качестве центральных оснований кризиса уместно в XXI в. Не менее важна его концепция для описания общей динамики указанных трех очагов кризиса. Таким образом, понятие фиктивной коммодификации дает основания для построения целостной теории кризиса, включающей в себя взгляды экологов, сторонников феминистской теории, политэкономистов. Объединив все эти взгляды, она позволит преодолеть сепаратизм, который в настоящее время разделяет и ослабляет возможности критического теоретизирования. По сути, эта концепция связывает все три направления критики для более широкой критики капитализма.

Зачастую указывается, что определение фиктивной коммодификации Поланьи опирается на сомнительные основы. Это исходит из идеи, часто повторяемой в «Великой трансформации», что предмет потребления – это товар (или услуга), производимый для продажи (TGT 75). Основывая свои аргументы на данном определении, Поланьи утверждает, что труд, земля и деньги не могут быть товаром, поскольку не производятся для продажи. Труд и земля не производятся в принципе, говорит Поланьи, а деньги, хотя и человеческое творение, имеют статус социальной условности, сродни языку, и не являются предметом потребления, производимым для продажи (TGT 75, 137, 204–205). Следовательно, в процессе торговли ни один из трех не ведет себя как товар. В каждом случае их первоначальное состояние «не был произведен для продажи» дестабилизирует процесс перехода к рынку. Не имея надлежащего происхождения, такие как бы товары могут быть только «фиктивными».

Назовем это «онтологической интерпретацией» фиктивной коммодификации. Полагаю, она является проблематичной, эссенциалистской, неисторичной и не восприимчивой к господству. Обращаясь к первоначальному состоянию, при описании позиции «не были произведены для продажи» онтологическая интерпретация утверждает, что коммерциализация труда, земли и денег разрушает их естественную природу. В результате это сказывается на их историчности, демонстрируя, что ни один из аспектов не существовал в чистой форме, а только в формах, которые уже сформированы в человеческой деятельности и отношениях власти. Эта интерпретация не привлекает во внимание также существовавшие задолго до маркизации формы организации труда, распределения земли и денег, определяемые отношениями господства, о чем свидетельствуют феодализм, рабство и патриархат, и которые, как я уже отмечала ранее, не рассматривают указанные элементы социальной жизни в качестве товаров. Также онтологическое прочтение акцентирует критику коммодификации преимущественно на разрушительном эффекте для социальных общностей, уделяя особое внимание ее тенденции к уничтожению солидарности и социальных

связей, которые при этом имеют ценность и должны сохраняться. Ассоциируя изменения исключительно с распадом и упадком, она упускает из виду отмеченную Марксом возможность того, что маркетизация может вырабатывать эффект освобождения путем разложения форм господства, внешних по отношению к рынку, и создания новых более открытых и равноправных форм солидарности. Наоборот, онтологическое прочтение скрывает тот факт, что борьба в защиту природы и общества от рынка зачастую направлена на укрепление привилегий и исключение «аутсайдеров». Игнорируя иерархию и исключение, оно ограничивает себя рамками защитного проекта: защита существующих форм труда, земли и денег, включая присущие им формы господства, от маркетизации. Исключая возможность компромиссов, оно препятствует выявлению плюсов и минусов таких комплексных исторических явлений, как введение рыночных отношений в административную командную экономику или открытие рынка труда для женщин или бывших рабов. По общему мнению, онтологическое прочтение приводит к критике кризиса с оборонительных, консервативных позиций, которые в лучшем случае не восприимчивы к господству, а в худшем – причастны к таким его формам, которые не основаны на рыночных механизмах.

Соответственно, нам нужна другая интерпретация фиктивной коммодификации, которая будет историчной, не оборонительной и восприимчивой к господству. В качестве полезной модели я предлагаю аргумент Гегеля, изложенный в «Философии права» по поводу того, почему общество не может полностью договориться. Гегель утверждает², что сфера договорных отношений может базироваться только на основе неконтрактных социальных взаимодействий, а попытки универсализировать договор неизбежно подрывают его, уничтожая неконтрактный базис, от которого он зависит³. Используя гегелевское утверждение, мы могли бы определить фиктивную коммодификацию как попытку коммерциализации условий возможностей рынка. Согласно этому толкованию попытки полностью коммерциализировать труд, землю и деньги концептуально неогерентны и по своей сути самоуничтожительны, как тигр, который кусает собственный хвост. Следовательно, по структурным причинам общество не может быть полностью товарным.

Назовем это «структурной» интерпретацией фиктивной коммодификации. В отличие от онтологической интерпретации, эта не предполагает нахождение труда, земли и денег в первоначальном состоянии, по сути противостоящем коммерциализации. Она, скорее, обращает внимание на тенденцию разрушения нерегулируемыми рынками собственных условий возможностей. Она интерпретирует эти условия преимущественно как социально сконструированные и исторически конкретные, а, следовательно, потенциально связанные с господством и подлежащие оспариванию. Соответственно, она напоминает, что то, что коммерциализация разрушительна, не всегда так, и что маркетизация может способствовать эмансипации, ослабляя традиционные основы господства. Освободившись от общинного уклона онтологического прочтения, структурная интерпретация делает возможной более сложную критику капиталистического кризиса. Будучи восприимчивой не только к десолидаризации, но и к господству, она повышает критический потенциал концепции фиктивной коммодификации.

Позвольте поподробнее. Структурное прочтение фиктивной коммодификации выводит на передний план изначально внутренне противоречивый характер капитализма свободного рынка. Она аналогична в этом отношении идее Маркса о тенденции к снижению нормы прибыли⁴. Но, в отличие от Маркса, Поланьи предлагает не одно, а три противоречия капитализма – экологическое, социальное и экономическое – каждое из которых выступает в качестве измерения кризиса. Кроме того, в отличие от Маркса, поланьевские противоречия не носят внутривозрастной характер, они далеки от того, чтобы располагаться *внутри* экономической системы, они касаются отношений между причинами и основанием условий возможности, это противоречия между экономикой и обществом, экономикой и природой. Наконец, для Поланьи каждое из трех измерений объединено общей логикой: каждое является необходимым условием производства, при котором капитализм одновременно нуждается и имеет тенденцию к разрушению. В случае экологических условий производства речь идет о природных процессах, которые поддерживают жизнь и предоставляют ресурсы для обеспечения социальных нужд. В случае социального воспроизводства условий речь идет о социокультурных процессах, которые поддер-

* Я использую эту работу для подтверждения, в противовес теории общественного договора, идеи, что общество не может полностью договориться, и для обоснования необходимости включения «абстрактного права» в более широкий контекст «этической жизни».

живают отношения солидарности, аффективные диспозиции и горизонты значений, лежащие в основе социальной кооперации и формирующие социализированных и квалифицированных человеческих индивидов, которые производят «труд». В случае денежных условий производства речь идет о возможности производить обмен на расстоянии и сохранять ценности на будущее, и, как следствие, возможности взаимодействовать в пространстве и времени. В каждом случае на карту поставлена устойчивость: устойчивость капитализма с одной стороны и общества и природы – с другой⁵.

В принципе, каждый аспект кризиса поддается структурной критике, сконцентрированной на устойчивости. И в самом деле, в настоящее время представлены три различных варианта такой критики. Экологический вариант утверждает, что возрастающий при неолиберализме захват природы как фиктивного товара сегодня неправомерно подрывает естественный базис, поддерживающий жизнь и являющийся источником материальных ресурсов для товарного производства⁶. Феминистский вариант считает, что возрастающая коммерциализация женского труда с одной стороны и «забота» – с другой истощают возможности для общественного воспроизводства, от которого зависит общество и поставки «рабочей силы»⁷. Марксистский и кейнсианский вариант утверждает, что финансиализация разрушает предпосылки для накопления капитала, а также возможности политически организованной социальной защиты и государственного обеспечения социального благополучия⁸.

Каждый из этих подходов имеет потенциал и заслуживает дальнейшего развития. Но каждый касается только одного аспекта общей проблемы и должен быть связан с другими. Будучи разделенными, три измерения кризиса неразрывно переплетаются в структуре капиталистического общества. Позвольте мне предложить способ их связи через поланьевское понятие фиктивной коммодификации. Рассматривая данное понятие структурно, я хочу показать, как мы можем отделить трехмерную критику неустойчивости капитализма от общинного этоса, с которым он невольно связан, и как мы можем использовать его для критики господства.

4. Фиктивная коммодификация в XXI веке

Я начну с коммерциализации труда. Здесь идеи Поланьи оказались весьма пророческими, заложив в 1944 г. основу для феминистской критики капитализма, хотя сам он в этом ключе ее не развивал. Не ограничиваясь критикой эксплуатации, он описывает коммерциализацию труда в более широкой перспективе, с точки зрения общественного воспроизводства, которое касается установления социальных связей, необходимых как для общества в целом, так и для валютного рынка в частности. Принимая данную идею, Поланьи указывает, что пролетаризация во многом влечет за собой разрыв общностей и разрушение солидарности, так же как и эксплуатацию и обнищание. Поэтому он указывает, что несдерживаемая коммерциализация труда угрожает универсальным смыслом, аффективным диспозициям и горизонтам значений, лежащим в основе общества и экономики, а также ставит под угрозу поставки квалифицированной и социализированной «рабочей силы», необходимой капиталу. Наконец, он говорит о том, что в условиях распространяющейся пролетаризации социальное воспроизводство станет отправной точкой кризиса и предметом борьбы (TGT 39, 83, 133). В представлении Поланьи результатом может быть только эпохальное столкновение двух социальных сил: с одной стороны, партии рыночного либерализма, помешанной на производстве рабочей силы из собственного контекста жизненного мира и превращении ее в «фактор производства» для получения прибыли, с другой стороны, партии социального протекционизма, ориентированной на защиту жизненного мира, семей и общностей, которые пронизаны трудом и проникнуты его социальным значением.

Но, несмотря на всю интерпретацию, в идее Поланьи есть белые пятна. Он упускает из виду, что конструирование понятия «рабочая сила» как фиктивного товара одновременно опирается на реконструирование понятия «забота», которое не является товаром. Неоплачиваемый труд общественного воспроизводства обеспечивает необходимые условия для оплачиваемого наемного труда, а последний не мог бы существовать при отсутствии институтов домашнего труда, воспитания детей, образования, добровольной помощи и целого ряда других мероприятий, поддерживающих социальные связи и договоренности. Однако разделение между оплачиваемым «продуктивным» трудом и неоплачиваемым «репродуктивным» носит всецело ген-

дерный характер, на который опирается современная капиталистическая форма закрепощения женщин. Игнорируя глубинную структуру гендерного неравенства, Поланьи рискует включить идеал «семейной зарплаты» в структуру его понимания «социальной защиты». В этом случае он будет защищать не столько «общество», сколько соглашения, основанные на гендерной иерархии⁹.

Задачей было проинтерпретировать поланьевское понимание сущности социального конфликта. Пренебрегая историей феминистской борьбы против «защиты», включая требование прав женщин на труд, он упустил тот факт, что борьба вокруг коммерциализации труда имеет три стороны: она включает не только игроков свободного рынка и сторонников протекционизма, но и приверженцев «эмансипации», чьей целью было не содействие маркетизации и не защита общества от нее, а освобождение самих себя от влияния господства¹⁰. Освободительные ряды включили феминисток, и кроме того миллионы рабов, крепостных, крестьян, народов, дискриминируемых по расовым признакам, и жителей пригородных трущоб, которым заработная плата обещала освобождение от рабства, феодальной зависимости, расового подчинения, социального отчуждения и имперского господства, а также сексизма и патриархата. Эти деятели активно выступали против репрессивной защиты, предоставляемой им за продажу рабочей силы. Но это не сделало их сторонниками рыночного либерализма. Скорее, их борьба представляет собой третий полюс общественного движения, кроме тех двух, определенных Поланьи. Не только маркетизация и социальная защита, но и эмансипация. Соответственно, не двойное движение, а, как я указывала ранее, «тройное движение»¹¹.

Такое видение позволяет лучше понять категорию «труда» как одно из измерений кризиса. Поднимая проблемы (мужского) господства и (женской) эмансипации, мы затрагиваем важнейший аспект современной ситуации, который не очевиден в более ортодоксальной поланьевской концепции. По правде говоря, данная концепция придерживается идеи, что наемный труд касается всех сторон кризиса в результате неолиберальной глобализации, включая астрономический уровень безработицы, давление на профсоюзы и произвольное исключение примерно двух третей мирового населения с официальных рынков труда. И это еще не все. В дальнейшем происходит поворот, при котором большая часть неоплачиваемого труда по социальному воспроизводству коммерциализируется, о чем свидетельствует распространение рынков усыновления, ухода за детьми, сексуальных услуг, ухода за пожилыми и рынка человеческих органов. К этому прибавим факт роста числа женщин, принимаемых на оплачиваемую работу. Таким образом, неолиберализм пролетаризировал львиную долю занятых неоплачиваемым трудом по социальному воспроизводству. И делает это в тот самый момент, когда требует уменьшения государственных дотаций на социальное обеспечение и создание социальной инфраструктуры. Итогом стал дефицит социальной помощи. Для преодоления разрыва глобальный капитализм импортирует трудящихся-мигрантов из бедных в богатые страны. Как правило, женщин других рас или из бедных сельских регионов для выполнения репродуктивных функций или ухода, которые раньше осуществлялись более богатыми женщинами. А для этого мигранты вынуждены передавать собственные семейные и общественные обязанности другим, еще более бедным воспитателям, которые делают то же самое дальше и дальше, формируя все большие «глобальные цепи помощи». Будучи далеким от преодоления разрыва, конечный эффект проявляется в смещении более бедных и более богатых семей, глобального севера и глобального юга¹².

Здесь мы видим новую, усиленную форму фиктивной коммерциализации. Деятельность, изначально сформированная на некоммерческой основе, которая сделала возможным оплачиваемый труд, сейчас сама становится товаром. Результатом может быть только усиление кризиса, когда тигр еще больше кусает свой собственный хвост.

Поэтому неудивительно, что в последние годы произошел взрыв движения против социального конструкта «семья и работа», о чем свидетельствуют феминистские и женские движения различного толка, стихийные сообщества, отстаивающие право на жилье, медицинскую помощь, профессиональную подготовку и материальную поддержку, движения в защиту прав мигрантов, надомных работников, государственных служащих, а также тех, кто занят социальной работой в домах престарелых, больницах и детских учреждениях. Но эта борьба не принимает форму двойного движения. Ее следует интерпретировать скорее как трехстороннюю борьбу, охватывающую не только неолибералов и социальных протекционистов, но и сторонников эмансипации, включая тех, кто знает об эксплуатации не понаслышке.

Рассмотрим далее коммерциализацию природы. Здесь идеи Поланьи также оказались пророческими, в 1944 г. заложив основы, хотя и не в полной мере, критики капитализма. Он понимает, что природа – необходимое условие как для социальной жизни в целом, так и для товарного производства в частности. Он также понимает, что неограничиваемая коммерциализация природы неустойчива и ведет к ослаблению как общества, так и экономики. Наконец, он понимает, что, будучи сведенной только к фактору производства и предмету нерегулируемого рыночного обмена, природа становится центральным звеном кризиса (TGT 136–137). Такое обращение вызывает сопротивление, провоцируя движения по охране природы и среды обитания человека от разрушительного воздействия рынка. Здесь Поланьи также предусматривает «двойное движение»: борьбу между экологами и игроками свободного рынка.

Без сомнения, эта точка зрения уместна и сегодня. В XXI веке. Коммерциализация природы продвинулась далеко за пределы представлений Поланьи, о чем свидетельствует приватизация воды, биоинженерное производство стерильных семян и патентирование ДНК. Такое развитие событий гораздо более навязчиво и разрушительно, чем выделение земельных участков и свободная торговля зерновыми, о которых мы писали. Будучи далекими от простой торговли уже существующими природными ресурсами, такие формы коммодификации вырабатывают новые, проникая глубоко в природу, они меняют ее внутреннюю структуру, как конвейерное производство изменило сущность человеческого труда¹³. Используя терминологию Маркса, можно сказать, что эти новые формы фиктивной коммодификации имеют эффект не «формального подчинения», а «реального подчинения» природы капитализму¹⁴. Следовательно, сейчас природа действительно производится для продажи. Кроме того, невозобновляемые земельные ресурсы в настоящее время истощились в гораздо большей степени, чем во времена Поланьи, настолько, что возникла угроза полномасштабной экологической катастрофы. Наконец, неолиберальные способы защиты природы от рынков еще более рыночные рынки, включающие новые странные формы, такие как разрешение и смещение выбросов углерода, и еще более странные формы, происходящие от них, «экологические производные», такие как «транши» выбросов углерода, созданные по образцу ипотечного обеспечения долговых обязательств, едва не поведшего к краху мировой финансовой системы в 2008 г. и успешно продаваемого в настоящее время Goldman Sachs¹⁵.

Неудивительно поэтому, что движения в защиту природы активизировались в последнее время, о чем свидетельствует рост экологических и местных движений, борющихся с корпоративными интересами и сторонниками «развития», с одной стороны, и рабочими и потенциальными рабочими, которые боятся потерять свои рабочие места, с другой. Если когда-то и было время, когда природа была центральной точкой кризиса, то это сегодня. Но эти конфликты, как и в случае с институтами труда и ухода, не являются формой простой двусторонней борьбы между неолибералами и экологами. Как и труд, природа сегодня – это поле для конфликта целого комплекса социальных сил, включающих профессиональные союзы, коренные народы, экофеминисток, экосоциалистов и противников экологического расизма. Другими словами, здесь мы опять имеем дело не с двойным, а с тройным движением. Охватывая также движения за освобождение, эта борьба опровергает воображаемые фундаменталистские перспективы, предлагающие запретить коммерциализацию природы, также как феминистская критика патриархальной защиты опровергает воображаемый общинный подход, который запретил бы коммерциализацию домашнего труда. Что необходимо в этом случае, так это структурная критика, лишенная ностальгии и связанная с критикой господства.

Рассмотрим, наконец, превращение денег в товар. И в этом случае идеи Поланьи были удивительно пророческими. В XXI в. финансиализация достигла новых головокружительных высот, гораздо больших, чем он мог себе представить. С появлением производных и их распространением коммерциализация денег настолько распространилась в материальном аспекте социальной жизни, что проникла в жизнь как таковую. Оторванная от реальности и контроля «секьюритизация» вызвала цунами нестабильности, почти сбой в мировой экономике, что привело к смене правительств, разрушению общин, наводнению окрестностей скрытыми займами, уничтожению рабочих мест и средств к существованию миллиардов людей. Кроме того, как я уже писала, финансиализация грозит уничтожению евро, Европейского союза и каких-либо претензий на демократию, а банкиры регулярно будут брать верх над парламентом

и устанавливать правительства, которые будут выполнять их волю. Стоит ли удивляться смятению политиков и объединению левых и правых движений в поисках защиты? Еще больше, чем во времена Поланьи, финансы находятся в эпицентре капиталистического кризиса.

Но здесь идеи Поланьи опять скрывают слепое пятно. Он определяет современное территориальное государство как основную арену и агента социальной защиты. Разумеется, управленческий потенциал государства во многом зависит от международных договоренностей. Таким образом, он выступил с критикой режима свободной торговли начала XX в., лишившей европейские государства контроля над их денежными запасами и препятствующей проведению политики полной занятости и дефицитного финансирования (TGT 142–143, 227–236). Решение подразумевало новый международный порядок, который бы установил национальный валютный контроль, облегчив тем самым протекционистскую политику на национальном уровне. Чего Поланьи не мог предвидеть, так это политики «Встроенного либерализма» после Второй мировой войны, когда некоторым государствам помощь оказывалась гораздо лучше, чем другим¹⁶. В период деколонизации империализм предстал в новой «не политической» форме, основанной на неравном обмене между независимыми эксколониями и их бывшими хозяевами. В результате этого обмена богатые государства могли продолжить финансирование своих систем домашнего обеспечения за счет своих бывших колоний. Неравенство усугубилось в неолиберальную эпоху, за счет политики структурной перестройки, когда международные институты, такие как МВФ, использовали долговое оружие для дальнейшего подрыва защитных возможностей постколониальных государств, вынуждая их тратить свои активы, открывать рынки и сокращать расходы на социальные нужды. Поэтому исторически сложилось так, что международные соглашения укрепили разницу в возможностях государств защищать свое население от превратностей на международных рынках. Эффективно *псевдоконструировав* социальную защиту, они смогли охватить жителей центральной части, но не тех, что на периферии¹⁷. На самом деле национальная социальная защита, предложенная Поланьи, никогда не была всеобщей; жизнеспособность глобального севера всегда зависела от ценностей, выкачиваемых из глобального юга. Таким образом, даже наиболее внутренне эгалитарный вариант послевоенной социал-демократии опирается на внешнее неоимперское хищничество.

Сегодня, как многие левые уже предупреждали и как обнаружили греки к своему ужасу, конструирование Европы как экономического и валютного союза, без соответствующей политической и финансовой интеграции, попросту лишает защитных возможностей государств-участников, не создавая при этом защитного потенциала на европейском уровне. Но это еще не все. При отсутствии глобального финансового регулирования даже очень богатые независимые государства ощущают давление на принятие усилий по национальной социальной защите со стороны глобальных рыночных сил, которые устанавливают «гонку за выживание». Глобализация финансов требует новый поствестфальский путь представления пространства и агентов социальной защиты. Она требует пространства, в котором круг имеющих право на защиту соответствует кругу подвергающихся риску, и агентов, что защитные возможности и управленческие возможности являются достаточно надежными и широкими, чтобы обуздать частные транснациональные силы и успокоить мировые финансы¹⁸.

Поэтому неудивительно, что современная борьба за финансы не соответствует схеме двойного движения. Наряду с неолибералами и национальными протекционистами, которых Поланьи выводит на передний план, мы также находим внутриглобализационные движения, движения в защиту глобальной или транснациональной демократии, и те, что стремятся преобразовать финансы из приносящих прибыль предприятию в общественно полезные, которые можно использовать для управления инвестициями, создания рабочих мест, содействия экологически устойчивому развитию, поддержки социального воспроизводства, а также для борьбы с укоренившимися формами господства. Эти деятели представляют собой новую структуру, направленную на интеграцию социальной защиты и эмансипации.

Я считаю, это все демонстрирует правоту Поланьи в том, что труд, земля и деньги являются центральными модусами и очагами кризиса. Но если мы хотим использовать его идеи сегодня, то должны усложнить его точку зрения, соединив структурную критику фиктивной коммодификации с критикой господства.

4. Заключение

Позвольте мне закончить, вернувшись к позиции, обозначенной в самом начале. Целью акцентирования внимания на понимании кризиса через природу, социальное воспроизводство и финансы не является рассмотрение этих трех измерений по отдельности. Это, скорее, необходимо для преодоления критического сепаратизма путем разработки единой комплексной системы, способной охватить все три измерения и объединить подходы экологов, сторонников феминистской теории и политической экономии.

Даже будучи разделенными, три измерения капиталистического кризиса неразрывно переплетаются, как и соответствующие им процессы фиктивной коммодификации. Как я уже отмечала, неолибералы давят на правительства во всем мире по поводу сокращения затрат на социальные нужды, ставя под угрозу возможности семей и общностей заботиться о своих членах и поддерживать социальные связи; тем самым их реакция на финансовый кризис подрывает общественное воспроизводство. Кроме того, я уже упоминала новые спекуляции на экологических производствах. То, что предвещают «зеленые финансы», ведет не только к экономическому кризису, но и к экологическому распаду, как и обещание быстрых спекулятивных сверхприбылей привлекает капитал от долгосрочных крупномасштабных инвестиций, которые необходимы для разработки возобновляемых источников энергии и преобразования неустойчивых видов производства и форм жизни, зависящих от ископаемого топлива¹⁹. Уничтожение окружающей среды связано с дальнейшим разрушением общественного воспроизводства и, вероятно, произведет сильный эффект, включая конфликты за нефть, воду, воздух и пахотные земли, конфликты, в которых солидарность уступит место «спасательной шляпке этики», поиску козлов отпущения и милитаризму и, возможно, вновь фашизму и мировой войне. В любом случае, нам не следует полагаться на такие прогнозы, чтобы увидеть, что финансы, экология и социальное воспроизводство не только не отделены друг от друга, но и неразрывно связаны.

Такого рода анализ демонстрирует четыре концептуальных момента, которые были центральными в моей аргументации и которые я хотела бы упомянуть еще раз. Во-первых, критическая теория XXI в. должна быть интегративной, ориентированной на понимание современного кризиса в целом. Мы хорошо начали развитие данной точки зрения, приняв идеи Поланьи о фиктивной коммерциализации, позволяющей рассмотреть три основных измерения кризиса, – экологическое, социальное воспроизводства и финансовое, и определить их в качестве конституирующих элементов кризиса *капитализма*. Во-вторых, критическая теория XXI в. должна выйти за рамки идей Поланьи, объединив критику коммодификации с критикой господства. Здесь нам удалось отказаться от стандартной онтологической интерпретации фиктивной коммодификации с ее намеками в защиту общины в пользу структурного прочтения, которое чувствительно не только к десолидаризации, но и к господству. В-третьих, критическая теория XXI в. должна разработать концепцию сущности социальной борьбы, выходящую за рамки идеи Поланьи о двойном движении. Управляя борьбой за эмансипацию, наряду с маркетизацией и социальным протекционизмом, и действительно конфликтуя с ними, она должна анализировать противоречия нашего времени в терминах тройного движения, в котором три политических проекта сочетаются и сталкиваются. Наконец, говоря об упомянутой здесь точке зрения, критическая теория современного кризиса нуждается в комплексной нормативной перспективе, которая объединит ведущие ценности каждого элемента тройного движения. Такая перспектива должна объединить легитимные интересы в сфере безопасности и социальной солидарности, которые мотивируют социальный протекционизм, с фундаментальной идеей не-господства, которая имеет первостепенное значение для освободительных движений, не забывая при этом действительный интерес к негативной свободе, который воодушевляет самых принципиальных и последовательных либералов свободного рынка. Представляя широкое интегративное понимание социальной справедливости, такой подход позволяет воздать честь идеям Поланьи и одновременно устранить слепые пятна в его концепции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Polanyi K. The Great Transformation. Boston, 1944 [2001] (TGT).
- ² Robotham D. Afterword: Learning from Polanyi // Market and Society: The Great Transformation Today. 2009. P. 280-1.
- ³ См.: Hegel. The Philosophy of Right. Cambridge: 1821 [1967]. Rosenfeld M. Hegel and the Dialectics of Contract // Cardozo Law Review. Vol. 10 (1989). P. 1199-1269.
- ⁴ Marx K. Capital. New York; 1993. Vol. 3. P. 317–338.
- ⁵ O'Connor Cf. James. Capitalism, Nature, Socialism: A Theoretical Introduction // Capitalism, Nature, Socialism. 1,1 (1988). P. 11–38.
- ⁶ См. O'Connor. Capitalism, Nature, Socialism: A Theoretical Introduction. Op. cit; O'Connor. On the Misadventures of Capitalist Nature // Is Capitalism Sustainable? Political Economy and the Politics of Ecology. Guilford: 1994. P. 125–151; Lohmann L. Neoliberalism and the Calculable World: The Rise of Carbon Trading // Upsetting the Offset: The Political Economy of Carbon Markets. 2009. P. 25–40. URL: http://mayflybooks.org/?page_id=21; Shiva V. Life Inc: Biotechnology and the expansion of capitalist markets // Sostenible? 2 (2000): La Biocologia. P. 79–92; Smith N. Nature as Accumulation Strategy // Coming to Terms with Nature. Vol. 43. 2007. P. 16–36.
- ⁷ См.: Power, Production and Social Reproduction. New York, 2003; Hochschild A. The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work. San Francisco, 2003; Hoskyns C., Rai S. Recasting the Global Political Economy: Counting Women's Unpaid Work // New Political Economy. 12:3, (2007). P. 297–317; Federici S. Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle New York, 2012.
- ⁸ См.: Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. New York, 2008; Skidelsky R. Keynes: The Return of the Master. New York, 2009; Harvey D. The Enigma of Capital. New York, 2010; In and Out of Crisis. Oakland, 2010.
- ⁹ См.: Fraser N. Fortunes of Feminism: From State-Managed Capitalism to Neoliberal Crisis—and Beyond. London, 2013.
- ¹⁰ См.: Fraser N. Marketization, Social Protection, Emancipation: Toward a Neo-Polanyian Conception of Capitalist Crisis // In Business as Usual: The Roots of the Global Financial Meltdown, 2011. P. 137–158; Fraser N. Between Marketization and Social Protection: Feminist Ambivalences in the Context of Capitalist Crisis. Op. cit.
- ¹¹ См.: Fraser N. Marketization, Social Protection, Emancipation: Toward a Neo-Polanyian Conception of Capitalist Crisis. Op. cit.; Fraser N. Between Marketization and Social Protection: Feminist Ambivalences in the Context of Capitalist Crisis. Op. cit.
- ¹² Folbre N. The Invisible Heart: Economics and Family Values. New Press, 2001; Hochschild A. Love and Gold // In Global Woman: Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy, ed. Barbara Ehrenreich and Arlie Hochschild. Henry Holt, 2002. P. 15–30; Elson D. Gender Justice, Human Rights, and Neo-Liberal Economic Policies // Gender Justice, Development and Rights. Oxford, 2002. P. 78–114; Rai S. Gender and Political Economy of Development: From Nationalism to Globalisation. Cambridge, 2002.
- ¹³ Shiva V. Life Inc: Op. cit.; Toka B. Redesigning Life. London, 2001; Earth for Sale. Cambridge, 1997; Kovel J. The Enemy of Nature. London, 2007.
- ¹⁴ O'Connor M. On the Misadventures of Capitalist Nature // Is Capitalism Sustainable? Political Economy and the Politics of Ecology. Guilford, 1994. P. 125–151; Smith N. Nature as Accumulation Strategy // Coming to Terms with Nature. Socialist Register. Vol. 43. 2007. P. 16–36.
- ¹⁵ Lohmann L. Neoliberalism and the Calculable World: The Rise of Carbon Trading // Upsetting the Offset: The Political Economy of Carbon Markets, ed. Steffen Böhm and Siddhartha Dabhi. Mayfly Books, 2009. P. 25–40. URL: http://mayflybooks.org/?page_id=21.
- ¹⁶ Ruggie John G. International Regimes, Transactions, and Change: Embedded Liberalism in the Postwar Economic Order. International Organization. 36:2 (1982). P. 379–415.
- ¹⁷ Fraser N. Marketization, Social Protection, Emancipation. Op. cit.
- ¹⁸ Fraser N. Scales of Justice: Reimagining Political Space in a Globalizing World. Columbia University Press and Polity Press, 2008.
- ¹⁹ Lohmann. Op. cit.

*Перевод с английского кандидата
социологических наук, доцента Е. В. Шкуровой*

Поступила в редакцию 14.06.13